

в России Сталина, нашел для себя новую телесную оболочку. Так умирающий Святогор вливает, вместе с могильным дыханием, чудовищную силу свою Илье. В стане контрреволюции происходит настоящий процесс обольшевичения. Мало сказать: все средства хороши. Люди убеждены, что низость или жестокость средств является прямой гарантией успеха. Чем гнуснее, тем надежнее. «Мы не слюнтая. Для нас перевешать 2–3–5 миллионов — плевое дело». Так растут у пня поваленного Белого движения ядовитые грибы новой всероссийской чеки.

От чекистов настоящих и чекистов будущих, от торжествующего и раздавленного насилия да спасут нас, в эти дни траурной памяти о побежденном феврале 1917 года, стоящие за ним в тени подвижников и героев, из века в век проливающих свою кровь за освобождение человека.

Октябрьская легенда

В истории нередко случалось, что великие преступления делались символами величия. Сколько политических режимов и даже национальных традиций покоятся на изначальных злодеяниях. Непрерывность английской государственной традиции восходит к норманнскому завоеванию — почти пиратскому предприятию, в его первоначальном смысле. Французская республика избрала своим символом взятие Бастилии — один из бессмысленных и кровавых эпизодов революции, который в действительности не имел никакого освободительного значения. Память народов коротка, а история творится по ту сторону добра и зла. Такая судьба — освободительного символа — казалось, была уготована октябрю. Для миллионов рабочих во всем мире и для значительных слоев левой интеллигенции русский октябрь — начало новой эры: «освобождения трудящихся, царства социализма».

Преступление, лежащее в основе октября, миром забыто. Большинство о нем никогда не слышало. В наш век — век мифов и легенд — на Западе уже укрепилась легенда об октябре, как восстании против царизма. Что же говорить о России, где государство, обладающее монополией лжи, в течение 30 лет культивирует октябрьскую легенду?

Да, октябрь имел шансы стать краеугольной легендой новой России — нашим национальным 14 июля. Для этого нужно было лишь одно условие: стабилизация революции. Нужно было не только потерять живую память о 1917 годе, нужно было забыть о всей

крови, голоде, страданиях этих «страшных лет России». Забыть о ненависти, расколовшей сверху донизу великий народ. Лишь примирение уцелевших классов, мирный труд и равный для всех закон могли бы вывести Россию на широкий путь подлинно новой, трудовой демократии. Дважды в истории революции, в годы НЭПа и в начале второй пятилетки, этот путь открывался. И всякий раз враги октября — люди, сохранившие память, — проявляли большое великодушие. И там, в России, и за рубежом готовы были забыть о прошлом, работать для будущего нашей общей Родины. Но оба раза все тот же великий вредитель раздувал вновь и вновь огонь гражданской войны, напоминая: «октябрь не кончен!», и делал амнистию невозможной.

Сейчас Россия дальше от гражданского мира, чем когда-либо, и вся ее революция, вместе с бытием ее, как великой державы, поставлены на карту. Освобожденные революцией народные силы вновь скованы, огонь потушен, огромное в динамизме своем пробуждение народной России заканчивается в мрачном и тупом унынии.

Своеобразие нового этапа гражданской войны, к двадцатой годовщине октября — в том, что она ведется Сталиным против самих деятелей октября. Все сподвижники Ленина оказались предателями. Сам Сталин, к октябрю почти не причастный, должен совершать чудовищную фальсификацию, чтобы изгладить из октября имя Троцкого и занять его место. Вот здесь-то и происходит *взрыв октябрьской легенды*. С Лениным и Троцким она могла бы жить в веках. С Лениным и Сталиным она столь грубо неправдоподобна, что не может пережить своего фальсификатора. Но открывающийся по смерти Сталина пересмотр октябрьской легенды угрожает не только узурпатору, но и подлинным творцам октября.

В самом деле, у Троцкого, побежденного и бессильного, нет никаких шансов утвердить свое толкование октября. В книгах его единомышленников, бывших и настоящих, проводится другая, определенная схема, противопологающая идеальному, революционно-чистому октябрю Ленина и Троцкого его сталинское искажение. Троцкистская схема сама оказывается легендой. Достаточно сказать, что она предполагает умолчание о массовом терроре, организованном Лениным и проводимом Троцким, о подавлении всякой оппозиционной мысли и государственной монополии культуры. Бесспорно, что Сталин довел до геркулесовых столпов систему Ленина, но не он был ее изобретателем. Троцкий и Сталин — оба являются учениками Ленина, в разных направлениях развивающих наследие учителя. Троцкий отразил революционный

и интернациональный дух Ленина, Сталин — его деспотические и русские (или евразийские) черты. Имморализм Ленина они усвоили оба: по крайней мере, его безграничное презрение к человеческой личности и свободе. Ложь Ленина, т. е. сознательное введение в политический арсенал большевизма, досталась Сталину — может быть, потому только, что ему достался и государственный аппарат, без которого ложь становится орудием обоюдоострым.

Итак, Сталин и Троцкий в своей борьбе *разрушают* единственно серьезную легенду октября: ленинскую легенду. Уже канонизированному Ильичу придется неизбежно дать посмертный ответ перед Россией и миром в содеянном.

Нужно ли напоминать о преступлении, которое лежит в основе «октябрьской эры»? Преступление октября не в восстании, не в пролитой крови, не в почине гражданской войны. Кровь дешева в эпохи революций и войн. Но есть нечто похуже крови в активе октябристов. Это худшее может быть сведено к следующим пунктам: 1) октябрь был восстанием против свободы и установлением *деспотизма*, небывалого в русской истории; 2) октябрь был грандиозным *обманом* народных масс, которым обещался «мир, хлеб и свобода», а готовился удел войны, голода и тирании во имя мировой революции; 3) октябрь был *предательством* республиканской России и союзных демократий и выдачей их императорской Германии; 4) Октябрь был *первым* в истории опытом *политического фашизма*, который из орудия коммунистической революции стал формой буржуазной реакции в половине Европы.

Вот политический формуляр октября. Последний пункт принадлежит не прошлому только, но *настоящему и будущему*. Не одна Россия, а весь мир может благодарить Ильича за создание фашистской системы государства. Сравнительно с тем страшным разрушением, которое производит фашизм в системе культуры и духовного строя личности, второстепенное значение имеет вопрос об экономической системе фашизма: в интересах каких классов, пролетариата, буржуазии или средних слоев, используется чудовищный аппарат тоталитарного государства. Здесь перед нами один из тех случаев, когда форма важнее содержания. Как при оценке инквизитора мало значения имеет его *credo*: Торквемада это или Дзержинский, так и при оценке фашизма идеология и политическая родословная диктатора отходит на задний план. Фашистская система, созданная Лениным (и названная им советской) оказалась непревзойденной, — во всяком случае, в издании его преемника. Все иностранные копии оказались уже смягченными. Остается фактом, что мировой *социализм получил глубокую рану от меча, выкованного Лениным*.

Мы не закрываем глаз на то, что фашистская форма революции в России имела долгое время в России народное содержание. Русская революция двигалась действительным восстанием народных масс, и в этом движении, вместе с классовой ненавистью к угнетателям, был подлинный пафос правды, было стремление к истине и свободе. Этот культурно-творческий порыв народа освещал и до сих пор освещает политический мрак Советской России. Но, конечно, не октябрём этот порыв вызван к жизни. Массы вышли на сцену уже в феврале, и если октябрь, видимо и на время, дал волю народному движению, то лишь для того, чтобы крепче сковать его. Если бы дело шло лишь о политических цепях, наложенных октябрём на революционную стихию, он был бы, может быть, оправдан. Анархия революции всегда обуздывается деспотизмом. Но цена октября оказалась куда дороже. Скован был дух народа. Его благородный порыв каптирован¹ в каналах чужой и пошлой доктрины. Ум и совесть России подверглись растлению — на 20 лет. Невероятная система лжи создала над страной особую аммиачную атмосферу, в которой умирает все живое. Меняются лозунги, изгибы генеральной линии, самое содержание доктрины. Остается неизменным одно: ее лживость и общеобязательность. Люди вырастают духовными слепцами, и самые возможности русской культуры подсекаются на корню.

С горечью и без всякого злорадства мы констатируем эти постоянные черты октября, еще более заострившиеся (как перед смертью) к 20-летнему юбилею. Время подведения окончательных итогов еще не пришло. Но поистине нужно быть самому вольным или невольным слепцом, чтобы за перечнем разных действительных или мнимых достижений забыть об основном пороке октября: его изначальном и неизменном имморализме.

